



## Пролог

— Мира, ну какая же ты у нас красавица, — искреннее восхищение в голосе мамы заставляет меня отвлечься от рисования стрелок перед зеркалом и обернуться. — Платье — восторг. И так тебе идет.

Сегодня важный день, а мнение мамы в вопросах моды и стиля я никогда не ставила под сомнение, поэтому ее похвала приятно щекочет мое самолюбие.

— Не заметила, как ты пришла, — говорю с улыбкой. — Выглядишь отпадно, мам. Мне даже жаль папу. Весь вечер будет рычать и отгонять от тебя кавалеров.

— Скажешь тоже, — в ответ на мой вполне честный комплимент мама закатывает глаза. — Я похожа на бегемота.

А вот сейчас она лукавит. Мама на третьем месяце беременности, но если не знать наверняка, вряд ли можно догадаться, что она в положении. На ней темно-синее шелковое платье, облегающее грудь и мягкими складками ниспадающее до пола, и классические лодочки на умпомрачительных каблуках. Блестящие волосы шелковистой волной струятся по плечам, а на губах играет легкая улыбка. Улыбка счастливой женщины, абсолютно довольной своей жизнью.

— Поправь меня, или папа действительно говорил, что, если еще раз увидит тебя в этих туфлях, вы никуда не пойдете, — смеюсь я.

Мама презрительно фыркает и осторожно, чтобы не помять платье, усаживается на краешек кровати.

— Каблуки нужны мне, чтобы свысока смотреть на тех девиц, которые будут строить глазки твоему отцу. Ему придется смириться.

— С чем мне придется смириться, Ксюша?

Мама с вызывающим видом приподнимает одну ногу, демонстрируя отцу, небрежно прислонившемуся плечом к дверному косяку моей спальни, убийственно красивые туфли.

Глаза папы темнеют, к скулам приливает кровь.

— Можем остаться дома, — отрывисто произносит он, разглядывая мамину голую ногу в разрезе платья. — Туфли пригодятся.

Убейте меня, если то, что отражается в этот момент на его лице, не примитивное желание.

Фу, ужас, это же мои родители!

— Не хочу больше ничего знать про эти туфли, — умоляю я, демонстративно закрывая уши ладонями. — Идите в свою спальню выяснять эти... Эти отношения!

Мама с невинным видом подмигивает мне. Папа смеется, подходит к кровати и галантно протягивает маме ладонь. Когда она грациозно поднимается, отец обвивает руки вокруг ее талии, бережным жестом поглаживает округлившийся живот и быстро целует в нос.

— Мира, ты выросла невероятной красавицей, — говорит папа, бросая на меня полный отеческого обожания взгляд, и увлекает маму прочь из моей комнаты. — Ждем тебя в гостиной через пятнадцать минут. Водитель уже в пути.

Когда родители скрываются за дверью, я снова оборачиваюсь к зеркалу и подношу к глазам карандаш. Красавица? Вот мама красивая. И Света, жена папиного брата, тоже. А я просто симпатичная — таких вокруг миллион. И пусть я никогда не комплексовала по поводу своей внешности, пара недель в Москве заронили в моей голове зерно сомнения, которое уже пускает корни неуверенности. Глупость, правда. Но я не могу отделаться от мысли, что тут чужая.

Месяц назад я сдала ЕГЭ и уже числюсь в списках на зачисление в нескольких столичных университетах. Папа на седьмом небе от счастья, потому что мы с мамой окончательно перебираемся в Москву. Я его понимаю — жить, разрываясь между двумя городами, как мы жили последние три года,

надоело всем, включая меня. Но в душе я та еще трусиха. Боюсь, что большой город — не моя стихия.

Единственное, что вселяет в меня уверенность, — то, что мой парень Саша ближе к осени тоже переедет в Москву. В прошлом сезоне он заключил контракт со столичным хоккейным клубом, а пока проходит медицинское обследование и тренируется на базе в Сочи. Мы с Сашей дружим с восьмого класса, и для меня он — идеальный. Добрый, отзывчивый, нежный и умный. Живое доказательство того, что распространенное мнение о хоккеистах как о грубоватых увальнях не более чем миф.

Интересно, сможем ли мы с Сашей пронести свою первую школьную любовь через всю жизнь, как это сделали мои родители?

С щемлящим ощущением в груди вспоминаю, через что пришлось пройти маме и папе, чтобы сохранить отношения. Сколько испытаний временем и обидами выдержали их чувства. Невероятно, но даже глупый развод не смог убить их любовь.

Родители вновь сошлись три года назад и больше не расставались. Балансируя между Ростовом, где жили мы с мамой, и Москвой, где располагался головной офис папиной компании, они умудрились наладить жизнь на два города, не ущемляя друг друга ни в правах, ни в обязанностях, ни в возможностях. Несмотря на настойчивые попытки папы перетянуть маму на работу в его компанию, она осталась на своем старом месте, объясняя это нежеланием смешивать карьеру и семью. В конце концов отец согласился с мамиными доводами и сам все больше времени стал проводить в Ростове, развивая свой строительный бизнес на юге страны. Глядя на них сейчас, таких красивых, счастливых, все еще очень молодых и влюбленных, сложно даже вообразить, что в их жизни были годы разлуки и непонимания.

Полгода назад мама и папа во второй раз обменялись клятвами, и эта тихая интимная церемония, на которой при-

существовали только члены семьи и самые близкие друзья, стала венцом их примирения. Хотя, возможно, венцом этим стала вовсе не свадьба, а недавняя новость о том, что мама ждет второго ребенка.

— Мира! Машина ждет. — Громкий голос папы заставляет меня отвлечься от воспоминаний и завершить макияж.

В последний раз бросаю критичный взгляд на свое отражение в зеркале и торопливо сбегая по лестнице вниз — сегодня мой официальный светский дебют в Москве. Не стоит заставлять этот город ждать.

До этого дня папа несколько раз брал меня на разные мероприятия, но сейчас все по-взрослому. Нас уже дожидается автомобиль с водителем в форме, в плотном конверте с тиснением лежит пригласительный на мое имя, а воздух вокруг меня потрескивает от напряжения.

Я не сноб. Меня вполне устраивала моя скромная жизнь в Ростове: у меня были друзья, интересное хобби и бойфренд, но порой, разглядывая светскую хронику в журналах и телеграм-каналах, я нет-нет, но задумывалась, что если бы я в полной мере пользовалась преимуществами, которые дает фамилия Громова, то моя жизнь была бы совсем другой. И я знаю, что в Москве она и станет другой — слишком велико здесь влияние отца и его семьи.

Вечер-аукцион для сбора средств на благотворительность похож на сказку. Знаменитости, на которых я была подписана в соцсетях, проплывают мимо на расстоянии вытянутой руки, а некоторые даже останавливаются, чтобы поздороваться с отцом и мамой. Концентрация дизайнерских платьев на квадратный метр зашкаливает. Блеск бриллиантов ослепляет. Дорогая парфюмерия сливается в один густой аромат богатства и успеха.

За бесконечным потоком знакомств и непринужденной светской беседой незаметно пролетает почти целый час.

— Через десять минут начнется официальная часть, — говорит папа, бросая взгляд на часы. — Пойдем занимать места.

— Я отлучусь в дамскую комнату и к вам присоединюсь, — сообщаю тихо, чтобы никто не слышал.

— Мыждемся тебя.

Сходив в туалет и проверив макияж, спешу к родителям. Но где-то на полпути попадаю в море разлитого шампанского. Мои новенькие туфли скользят по мокрому паркету как по отполированному льду, и я не успеваю даже испугаться, как позорно падаю. Почти. Потому что где-то в десятке сантиметров от пола меня подхватывают чьи-то руки и, приподняв, ставят на ноги на безопасном расстоянии от лужи.

— О господи... — тарыхчу я рассеянно.

— Никто меня еще так не называл, — получаю насмешливый ответ.

Двух секунд мне хватает, чтобы восстановить дыхание, еще одной — чтобы понять, что мои пальцы вцепились в лацканы дорогого пиджака. Смущенно закусив губу, поднимаю глаза на лицо своего спасителя и испытываю самое большое потрясение в своей жизни.

Вот это да!

Никогда я не видела глаз такого удивительного иссиня-черного цвета. Да что уж там. Никогда я не видела таких удивительных глаз на таком удивительном мужском лице. По степени идеального сочетания брутальности, харизмы и привлекательности этот образец способен соперничать с папой и выиграть. По крайней мере, в моем личном хит-параде. А это о многом говорит.

— Прошу прощения, — лепечу на выдохе.

— Прощаю, — произносит парень, с насмешливым любопытством изучая мое лицо. — Ты поклонница балета?

— Что? — спрашиваю недоуменно.

— Балет. Гвоздь сегодняшнего сборища, — поясняет он с ленивой улыбкой.

— Равнодушна к балету, — шепчу я, облизывая кончиком языка внезапно пересохшие губы.

Парень улыбается еще шире, а длинные ресницы опускаются, скрывая от меня выражение его глаз.

— Тогда сбежим и покатаемся?

Я в недоумении смотрю на него, уверенная, что услышала, но выражение его лица не оставляет сомнений в том, что он сказал именно то, что я услышала. Никогда в жизни я не встречала такой поразительной наглости! Этот человек не знал моего имени — вообще ничего не знал — и начать знакомство решил с приглашения уединиться в его авто?

— Моя машина на парковке рядом, — повторяет он свое недвусмысленное предложение, видимо, не сомневаясь, что я соглашусь.

— Ты сошел с ума! — бросаю я, не замечая, что перехожу на «ты».

Он вновь улыбается, на этот раз как-то самодовольно, демонстрируя ряд ровных белых зубов с небольшими клыками по бокам. Мне приходит в голову, что многие избавились бы от них как от несовершенства, но не он. С внешностью этого парня зубы-клыки выглядят особенно пикантно. Даже вызываяще.

Вокруг нас снуют люди. Запоздало появляется уборщица. Кто-то зовет официанта. Но мне все равно. Я нахожусь в объятиях потрясающе красивого парня, испытывая незнакомое до этого момента чувство изолированности от остального мира.

— Боишься? — спрашивает он, наблюдая за мной с выражением нетерпения на красивом лице.

Да, похоже, этот парень не привык ждать. Впрочем, чему я удивляюсь? С такой внешностью и явно при деньгах — вряд ли ему хоть раз в жизни требовалось напрягаться, чтобы получить желаемое.

— Почему я должна бояться? — первый шок прошел, но мой голос все еще предательски дрожит.

— Тебе виднее, — он произносит эти слова неспешно, как бы лениво, слегка растягивая слова. И выразительно смотрит на мои пальцы, сжимающие ткань его пиджака, словно от этого зависит моя жизнь.

Черт, черт, черт.

Разжимаю пальцы и отступаю на шаг. Синие глаза неотступно следят за каждым движением, а я, вопреки желанию, не могу отвести от них своего взгляда.

Магия какая-то! В его глазах столько тайны, обещания удовольствий и приключений, что на какое-то мгновение полного помешательства я даже всерьез размышляю над тем, чтобы принять его приглашение.

Каково это — попасть к нему в руки, провести с ним время?

О! Он, конечно, выпьет мою душу. До последней капли. В этом нет ни малейшего сомнения.

Чувствую, как внизу живота разливается странное тепло. Предвкушение чего-то необычного и волнующего жаркой волной прокатывается по телу, подтверждая мои мысли. Я читала о подобных вещах в книгах, смотрела про них в кино, но никогда не думала, что им есть место в реальности.

— Меня ждут, — единственное, что я в состоянии выдать из себя.

Чувствую необъяснимое желание скрыться от этого человека. Пытаюсь обойти его, но он не пускает. Вместо этого делает шаг навстречу, вынуждая меня отступить к стене. Нет, он не касается меня, но сила его взгляда приковывает меня к месту лучше, чем любое физическое ограничение.

— Пойдем со мной, — а вот это звучит совсем не как приглашение.

Я не терплю хамов. С детства. Поэтому осталась всего пара-тройка секунд до того, как приказной тон и нахальная улыбка засранца выведут меня из себя. Чувствую прилив сил, и на место безвольной амебы, роль которой я играла последнюю пару минут, возвращается адекватная Мирослава.

— Не думаю, — произношу я, воинственно приподнимая подбородок. — Ты не в моем вкусе.

В ответ на это он лишь смеется! В синих глазах зажигаются дерзкие огоньки, на щеках появляются ямочки, делая его в тысячу, нет в сотню тысяч раз более привлекательным.

Придурок!



— Дай мне пройти! — бросаю я возмущенно.

На этот раз он не протестует: демонстративно отходит, освобождая мне путь. И я, не раздумывая ни секунды, пулей несусь к родителям, надеясь больше никогда в жизни не видеть этого самоуверенного типа.

К сожалению, мои мольбы там, наверху, оставляют без внимания.

Снова замечаю нахала перед входом в банкетный зал. Сердце громыхает в груди, но папа и мама рядом — уж конечно, мне под силу невозмутимо пройти мимо придурка, который считает себя центром вселенной.

Он тоже не один. Вопреки моим ожиданиям, у него на руке не висит фантастическая красотка, готовая терпеть его «автоприключения» со всеми подряд. На сгибе его локтя покоится холеная рука Вероники Благовой, а рядом с ними идет великий и ужасный Владимир Благов.

Не может быть.

Еще до того, как глава семейства официально представляет своего сына, я понимаю, что такой тип мог родиться только в этой семейке. Словно в тумане наблюдаю, как Вероника, Владимир и Даниил (да-да, так зовут самовлюбленного засранца) приветствуют папу и маму. Общение холодное и натянутое, особенно со стороны отца, но это не мешает Благовым демонстрировать приторно-вежливое радушие. Я понимаю, что весь этот лживый обмен любезностями всего лишь часть светской игры — какие бы кровопролитные бои ни шли между нашими семьями на поле бизнеса, вот на таких вот мероприятиях все соблюдают рамки приличия.

Теперь, когда я знаю, с кем именно столкнулась в холле, произошедшее между мной и Даниилом подчиняется законам логики. Его наглое поведение — прямое отражение всего, что я когда-либо слышала о Благовых. Но даже эта правда не лечит меня от его губительного воздействия: когда он со словами «дамы» поворачивается ко мне и наши глаза вновь встречаются в молчаливом поединке, я перестаю дышать. Чертовы легкие просто отказываются насыщать меня

кислородом. Я застываю в попытке привести себя в чувство, словно со стороны наблюдая, как Даниил берет мои холодные пальцы в свою ладонь и сжимает.

Его прикосновение жесткое, но нежное. И таит в себе столько скрытого смысла, который понятен лишь нам двоим, что мой мир вновь соскакивает со своей оси и дрейфует в космосе. Дыхание возвращается, но становится прерывистым и бурным, а утихшая было паника накрывает меня с новой силой.

Как одно прикосновение может сказать так много? Как оно может обещать? Завлекать? Ласкать? Утверждать?

Вздрагиваю, чувствуя, что на меня и Даниила направлено внимание обоих кланов. Краснею и торопливо отступаю назад, не сумев скрыть от внимательного взгляда мамы свою бурную реакцию.

На мое счастье, раздается голос ведущего, который приглашает гостей занять свои места.

— Нам пора, — произносит отец, беря меня под руку, что в данной ситуации очень кстати. Мои ноги как бетонные плиты, и я бы не стала ручаться, что в состоянии пройти по прямой без поддержки даже несколько метров.

Но, двигаясь с папой по проходу к нашим местам, проклиная свою слабость и любопытство, я все же не могу не обернуться, чтобы проверить, смотрит ли Даниил мне вслед.

О, он не обманывает моих ожиданий — наши глаза вновь встречаются, и на этот раз в его взгляде нет тайны. В них сквозит такое откровенное желание, что я вспыхиваю, но, даже отвернувшись, еще долгое время не могу прийти в себя. Не помогает и то, что до самого конца вечера я ощущаю на себе тяжелое и волнующее внимание моего врага. Зато я точно знаю, что Даниил Благов остался — видимо, никого, достойного места в своем авто, он так и не нашел.

## Глава 1

Сбрасываю на пол вещи с верхней полки шкафа и рассеянно смотрю на гору теплой одежды под ногами.

— Ма, ты не видела мой синий свитшот? — кричу я, рассчитывая, что она распознает в визгливых нотах невысказанный сигнал о помощи.

Через несколько часов у меня самолет, а я на грани истерики: совершенно не представляю, что взять с собой в десятидневную поездку в горы. Сколько вязаных вещей мне реально нужно? Пригодится ли легкая куртка? А пальто? А платье? А юбка из шифона? А туфли на каблуках?

Сколько себя помню, всегда ненавидела две вещи: собирать сумки и тушеную капусту. С капустой мы не так давно нашли компромисс, а с упаковкой багажа никак не выходит. Я люблю, когда все под рукой, а отпускной гардероб, занимающий огромный чемодан, вгоняет меня в депрессию.

— Детка, он был в прачечной, — в комнату wpłyвает румяная мама с потерянной кофтой в руках. Глядит по сторонам, оценивая масштабы бедствия, и осторожно интересуется: — Нужна помощь?

— Да! — не скрывая облегчения, выдыхаю я, опускаясь на пол, прямо в кучу брендовых тряпок. Я знаю, что на маму можно положиться — у нее всегда все по полочкам.

В подтверждение моих мыслей мама кивает и кладет сложенный свитшот в пустой чемодан. Ну, вот и первый пошел!

— Уже решила, в чем поедешь?

Вместо ответа тычу пальцем в бежевый свитер и такие же легинсы с начесом. В этом мне, по крайней мере, будет тепло и удобно во время перелета.

— Хороший выбор. Думаю, тебе пригодится тот брючный костюм, который мы купили на прошлой неделе, — деловито рассуждает она, мастерски выуживая нужные вещи из кучи на полу и аккуратно укладывая их на дно чемодана. — И не забудь про термобелье.

С помощью мамы сборы сдвигаются с мертвой точки, и я позволяю себе подумать о других волнующих меня темах.

— Ты же не обижаешься, что Новый год я встречу не дома? — задаю вопрос, который мучает меня с тех пор, как две недели назад я дала согласие на поездку в Сочи в канун праздников. Это первый Новый год, который я проведу вдали от мамы, — ничего не могу с собой поделаться, чувствую себя немного виноватой.

— Конечно, не обижаюсь, Мира, — с ласковой улыбкой отвечает она, ритмично поглаживая огромный живот, в котором уже восемь месяцев плавает мой братик. — Мне сейчас тяжело куда-то ходить, сама понимаешь, так что мы с твоим отцом решили проигнорировать семейный прием у старших Громовых и остаться в новогоднюю ночь дома. Ну, не будешь же ты смотреть с нами «Голубой огонек» и поедать оливье, в самом деле. К тому же в Сочи в это время года должно быть чудесно.

Не могу сдержать улыбку, потому что тоже считаю, что в Сочи будет чудесно. Даже если горы останутся без снега, а в новогоднюю ночь зарядит дождь, меня это мало заботит, ведь я буду с Сашкой.

Эта поездка — идея моего парня. Он собрал большую компанию наших друзей и приятелей друзей, так что скучать нам точно не придется. Впрочем, я бы не грустила, даже если бы мы провели ближайшие десять дней только вдвоем, спрятавшись от внешнего мира в гостиничном номере.

Мне катастрофически не хватает общения с ним. Его профессиональная карьера хоккеиста сопряжена с постоянными переездами и сборами, а я в свой первый учебный год в МГУ изо всех сил стараюсь не слететь с рельсов успеваемости. Совмещать наши графики в Москве дико сложно,